

АЛЕКСАНДР МАЛНАЧ

Рождественские встречи Николая Качалова

В декабре прошлого года русская община Латвии отметила 100-летие со дня рождения замечательного органиста и композитора Николая Львовича Качалова. В январе 2012-го исполнилось 15 лет, как его не стало. Вся жизнь этого человека каким-то мистическим образом была связана с Рождеством, хотя и преобладало в ней отнюдь не рождественское настроение. Показательно уже то, что Николай Львович родился 9 декабря 1911 года в рождественский пост, или адвент — как его называют католики и лютеране, проходящий в ожидании очередной годовщины первого пришествия Христа. А для каждого органиста, хоть бы и будущего, Рождество и предшествующие ему недели — время особенное.

Николай был первенцем у своих родителей — Льва Николаевича Качалова и Веры Владимировны Качаловой (в девичестве — Киршбаум). Родители поженились всего за год до его рождения, в 1910-м. Лев Николаевич — внук Николая Александровича Качалова, дослужившегося до чина тайного советника и должности директора департамента таможенных сборов Министерства финансов, а ранее некоторое время являвшегося губернатором Архангельской губернии. А поскольку в биографиях знаменитостей принято искать всевозможные совпадения и намеки

на их блестящую будущность, отметим, что дед и прадед Льва Николаевича окончили Морской кадетский корпус, из которого вышел Николай Андреевич Римский-Корсаков — любимый композитор нашего героя, тогда как сам Лев Николаевич (его отец) прошел полный курс в Императорском училище правоведения, которое прежде окончил Петр Ильич Чайковский.

Любителям генеалогии и литературы небезынтересно будет узнать, что дед нашего героя, Николай Николаевич, был женат на сестре отца Александра Блока, то есть Николай Львович приходился гениальному русскому поэту двоюродным племянником. Дело в том, что в 1850-х годах, в бытность свою председателем Новгородской земской управы, будущий тайный советник Николай Александрович Качалов близко сошелся с семьей деда поэта — Льва Александровича Блока, бывшего в ту пору председателем Новгородской казенной палаты. Вот две семьи и породнились, причем дважды. Сестра Николая Николаевича Александра вышла замуж за сына Льва Александровича — Петра. Для нас это важно потому, что одна из дочерей Петра Львовича Блока и Александры Николаевны Качаловой — Марианна, овдовев, вышла замуж за Сергея Владимировича Киршбаума, сестра которо-

МАЛНАЧ Александр Дмитриевич — латвийский историк и публицист, автор сборника статей «Русский вопрос: Публицистические очерки русского национально-освободительного движения в Латвии. 2004—2006 годы».

го, Вера Владимировна Киршбаум, стала любимой женой Льва Николаевича Качалова и, соответственно, матерью нашего героя — Николая Львовича Качалова. Добавлю к этому, что Киршбаумы происходили из рода обрусевших эстляндских немцев: дедушка Николая Львовича по матери, Владимир Федорович Киршбаум, служил пастором в лютеранском приходе под Ревелем и был органистом-любителем.

Итак, Николай Львович Качалов родился в 1911 году в Царском Селе. Трех лет отроду, так и не узнав по-настоящему своей родины, он оказался в Швейцарии. Незадолго перед началом Первой мировой войны с его отцом, служившим тогда в Земском отделе Министерства внутренних дел, приключился гнойный аппендицит, из-за отсутствия антибиотиков перешедший в тяжелейший перитонит. Все же Льва Николаевича выжили. Оперировали его в Санкт-Петербурге, а для прохождения курса реабилитации родители на свои средства отправили его вместе с женой и сыном к Женевскому озеру.

Взяли тогда с собой Качаловы только самые необходимые в дороге и на отдыхе вещи. Ехали на месяц, а застряли на восемь лет. Разразилась мировая война. Пути к «отступлению» были отрезаны, а после октябрьского переворота 1917 года надеяться на возвращение им уже не приходилось. Революция разрушила материальное благополучие рода Качаловых, да и от самой России мало что оставила. Но уныние не в природе Качаловых. Глава семьи, человек деятельный и образованный, устроился бухгалтером в русский отдел Международного Красного Креста, штаб-квартира которого находилась в Женеве. Мама, замечательная пианистка, тоже не теряла времени даром — поступила и окончила Лозаннскую консерваторию. В Лозанне у 5-летнего

Коли появилась сестра Ольга, старшая из трех дочерей Льва Николаевича и Веры Владимировны Качаловых.

С этим периодом связаны первые музыкальные впечатления маленького Коли. «Когда мы жили в Сальван (Salvan), мне запомнился небольшой католический мужской монастырь, шествие монахов из монастыря в церковь и особенный звон — очень красивый. Четыре небольших колокола, на которых звонарь выбивал красивые мелодии. Позднее мы переехали в местечко Шайи сюр Лозанн (Chaillie sur Lausanne) неподалеку от Лозанны, откуда открывается удивительный вид на Женевское озеро и на Французские Альпы за ним. Вечером Французские Альпы загораются розовым светом от заката. Напротив нашего дома была реформатская церковь, и оттуда я первый раз в жизни услышал звуки органа», — рассказывал Николай Качалов впоследствии.

Он вспоминал также, каким «неописуемым счастьем» была для него игра на фортепиано. Вера Владимировна много занималась, и если маленькую Олю звуки рояля быстро усыпляли, то для Коли наступало время, когда он мог беспрепятственно слушать музыку. Когда мама отправлялась в консерваторию или по делам, он уже не отходил от инструмента. Коля импровизировал, пытаясь изобразить звуки органа и мамину игру.

И все было бы ничего, если бы не тоска родителей по родине, по своему, русскому, кругу. Возможно, через звуки рояля это чувство передавалось и их сыну Николаю, создавая или усиливая ноту трагизма, которая так настойчиво звучала потом в его судьбе. Россию Николай Качалов, не зная ее, любил крепко. Так или иначе, а когда Льву Николаевичу предложили работу в Риге, родители Коли решили ехать. Латвия была ближе к России, там жило много русских, кипела русская общественная и культурная жизнь. В 1922 году Качаловы перебрались в столи-

цу молодой Латвийской Республики. В Государственном историческом архиве Латвии сохранилась декларация («сообщение») о доходах Льва Николаевича Качалова за 1922 год. Занимая должность чиновника Нансеновской миссии в Риги, он имел ежемесячный оклад в 8 тысяч латвийских рублей — средний для того времени доход¹.

«В Риге в те годы было очень много русского: вывески, надписи на русском языке, на трамваях русские названия улиц — Мариинская, Александровская, Николаевская... Повсюду русская речь. Родители нашли комнатку на Католической напротив церкви св. Франциска. Там были магазины русские, латышские, еврейские, немецкие и каждый со своей спецификой», — вспоминал Н. Л. Качалов.

Устроившись и осмотревшись, родители отдали 12-летнего Колю сначала в XIII немецкую основную школу, где тот проучился с 1924-го по 1926 год². Затем настал черед лучшей русской школы Риги, которая вела свою родословную от дореволюционной женской гимназии им. М. Ломоносова, хотя официально она и не носила названия Ломоносовской, а прозывалась Рижской городской русской гимназией (РГРГ). Николай поступил в РГРГ в августе 1926 года и окончил полный гимназический курс в июне 1929-го с отличной успеваемостью по русскому и немецкому языкам, математике, физике, химии, истории, космографии и аналитической геометрии, а также оценками «хорошо» по французскому языку, природоведению, рисованию и алгебраическому анализу. Аттестат Николая «украшали» и две «тройки» — по латышскому языку (на котором он до конца своих дней говорил грамматически абсолютно правильно) и географии³.

Материальные дела семьи Качаловых, между тем, постепенно наладились. В 1927 году отец нашел работу в немецкой аудиторской фирме «Fides», где и проработал бухгалтером вплоть до ее закрытия в 1939 году в связи с отъездом балтийских немцев в Германию. Фирма, где работал Лев Николаевич, располагалась в Старой Риге по адресу Кунгу (Господская) №10 — в доме, принадлежавшем рижскому купеческому роду Трофимовых. Здание погибло в июне 1941 года под горящими обломками рухнувшей башни церкви св. Петра. Правда, Николай Качалов успел подружиться с органом и органистом церкви.

А семья Качаловых росла. В 1927 году родилась Мария, в 1930-м — Варвара. Качаловы переехали в Межапарк (тогда это предместье Риги называлось на немецкий манер «Kaiserwald», а по русски — «Царский лес»), в солнечную четырехкомнатную квартиру с отдельным выходом в сад. До города ходил уютный трамвайчик (теперь этот стиль называется «ретро»). Дом на четыре семьи — пример содружества наций. Над Качаловыми жила еврейская семья Берлинов, в третьей квартире жили немцы, а в четвертой — латыши. «Жили прекрасно. Не знали, что такое национальная вражда. Говорили в основном по-немецки, все знали этот язык — до 1939 года «Kaiserwald» населяли в основном немцы. По субботам Берлины приходили к нам с просьбой поджечь огонь в их заправленной с пятницы индивидуальной топке», — вспоминает Мария Львовна. Качаловы зажигали.

Видя влечение сына к музыке, мама наняла ему учителя скрипки — доброго и почтенного немца, барона Хиршхейтена. Но Николай предпочел скрипке фортепиано. «Я слышал, как мама играла, и это дало мне основу на всю жизнь. Она привила мне любовь к роялю», — вспоминал он.

В ту пору Николай часто посещал Национальный оперный театр. Каж-

¹ См. Государственный исторический архив Латвии (Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs). Ф. 1320. Оп. 1. Д. 54. Л. 53.

² См. Государственный архив Латвии (Latvijas Valsts Arhīvs) (далее — ЛГА). Ф. 1655. Оп. 1. Д. 56. Л. 80б.

³ См. там же. Л. 3.

дый спектакль смотрел по несколько раз. «Все оперы Римского-Корсакова, Мусоргского. Они были здесь очень хорошо поставлены. В то время нигде в мире эти оперы не ставились так хорошо, как в Риге. Потому что это было свободно от того презрения к русской истории и к русской нации, которое было характерно для советского периода», — рассказывал Н. Л. Качалов.

Николай решил стать дирижером: «Моей мечтой было дирижировать оперными спектаклями. Закончив Ломоносовскую гимназию, я решил осуществить свой план, а для этого надо было поступить в класс профессора Язепа Витоля (sic!). Поступление состоялось так. Моя мама пришла к профессору Витолу и сказала: “Профессор, Вы, может быть, меня помните. Я была Вашей ученицей в Петербургской музыкальной школе, а теперь я предлагаю Вам моего сына”». И сын был принят в класс теории и композиции профессора Витолса, кстати сказать, ученика и последователя педагогических приемов Римского-Корсакова.

Воспитанником Латвийской консерватории Николай Качалов стал в сентябре 1930 года. Учился хорошо. Первый экзамен по специальности сдал на «отлично», гармонию — на «5 с минусом». Правда, по элементарной теории и сольфеджио получил «4» и «3¹/₂» — это самая низкая его отметка за все годы, проведенные в консерватории⁴. Впрочем, не все шло гладко. Уже в следующем учебном году Качалов был вынужден оставить учебу по неизвестной причине, как отмечено в списке выбывших воспитанников за 1931/1932 учебный год⁵. Все же занятый он не бросал. Сдав экзамены экстерном («4¹/₂» по гармонии и те же «4¹/₂» балла за переводной экзамен), Николай перешел на следующий курс. И вновь ему с 1 февраля 1933 года при-

шлось оставить (в графе «причины» отмечено: «материальные обстоятельства») консерваторию⁶. И опять он вернулся в класс профессора Витолса, столь велика была его тяга к музыке. Экзамены (II форма, чтение партитур, инструментовка и переводной) в тот год Николай выдержал на «хорошо», а по фуге получил «отлично»⁷.

Занятия в консерватории проходили на латышском языке. Но, как вспоминал Николай Качалов, Витолс всегда говорил с ним по-русски. «Ему доставляло удовольствие говорить по-русски, так как он сам учился в Санкт-Петербургской консерватории у Римского-Корсакова и говорил по-русски как бы для того, чтобы вспомнить это петербургское время, которое очень высоко ценил», — утверждал Н. Л. Качалов. По его словам, он нашел особый подход к Витолсу, увлеченному строго классическим видом композиции, который разрабатывали Палестрина и Орландо ди Лассо: «В XVIII—XIX веках эта сторона была главной в преподавании композиции, но в начале XX века это течение устарело. Витолс был “последним из могикан”, единственным человеком в Риге, кто знал это академическое направление, причем знал его досконально. У него были книги, он их сохранил и приносил в класс, когда преподавал контрапункт или фугу. Он давал мне читать на дом редчайшие экземпляры, какие невозможно было сыскать ни в одной библиотеке. По этому предмету я получал пятерки, а по другим — менее академическим — четверки, чем и отличался от других. Был белой вороной».

Очень высокую оценку Н. Л. Качалов давал своему учителю как композитору: «Профессор Витоль — автор самых одухотворенных хоровых произведений, которые стали гордостью латышского национального искусства».

⁴ См. там же. Д. 1448. Л. 97–98.

⁵ См. там же. Д. 683. Л. 75.

⁶ См. там же. Л. 77.

⁷ См. там же. Д. 1448. Л. 97–98.

ва, основой той латышской музыки, которая служит задаче укрепления национального духа в самом лучшем смысле этого слова. Ведь на [довоенных] певческих праздниках исполняли в основном композиции Витоля, Мелнгайлиса, Дарзиня. В советское время традиция певческих праздников продолжалась, но исполнялись на них композиции другого рода. Качество музыки было не тем. Витоль, Мелнгайлис не были устранены, но не были в центре внимания. А ведь произведения Витоля можно считать не только выдающимися с точки зрения музыкального языка, но и священными для латышского искусства. Они были именно теми произведениями, которые должны придавать певческим праздникам ту сакральность, ту патриотическую торжественность, которая, например, так отличает латвийский гимн от гимнов других государств».

Столь пространственные цитаты позволяют понять, наследником какой традиции выступал Николай Качалов. Наверное, Витолс играл на тех струнах его души, что передалась ему от немецких предков. Стихией Качалова должен был стать орган, и как было ему ужиться с Советской властью, которая совершенно иначе смотрела на задачи музыкального творчества и воспитания? Кстати, уже в консерваторские годы Качалов увлекся импровизацией на органе, что, впрочем, не слишком одобрялось его учителем. Но авторитет уступил темпераменту. Органисты утверждают, что в импровизации творческий дар Качалова проявлялся полнее и свободней, чем в законченных композициях.

В 1933/1934 году, продолжая учиться у Витолса, Николай Качалов поступил в класс фортепиано профессора Людмилы Гоман-Домбровской, чешки по национальности, выпускницы Пражской консерватории. В 1935 году, окончив консерваторию по двум специальностям — классу теории и композиции Витолса и классу фортепиано

Гоман, Качалов тут же поступил в класс органа к профессору Павелсу Йозуосу. 1935/1936 учебный год Николай все-таки пропустил по болезни и окончил класс органа в 1938 году с отметкой «4» по специальности⁸. 14 июля 1938 года Николай Качалов получил свидетельство за №382 об окончании Латвийской консерватории.

Мечта Качалова, казалось, осуществилась. В 1937—1938 годах он работал дирижером в Рижском Баховском обществе. Ему предлагали место преподавателя теории музыки в одном из столичных учебных заведений, но Николай Львович предпочел уехать в провинциальную Руйену, на границе с Эстонией, где освободилось место органиста в латышском лютеранском приходе.

Уехал он не один. В ноябре 1937 года Николай Львович обвенчался с Татьяной Александровной Розеншильд-Паулин. Обряд совершили в рижском Христо-Рождественском соборе. Татьяна Александровна окончила в Риге студию Константина Высотского. Считалась подающей надежды художницей. Молодожены Качаловы прожили в Руйене год. Кроме латышского лютеранского прихода там были православный приход, при котором Николай устроился дирижером, и школа, куда его приняли учителем пения. Большую часть населения Руйены составляли немцы, в среде которых Качаловы быстро нашли себе друзей и частных учеников для Николая Львовича. В Руйене в 17 часов 45 минут 9 декабря 1938 года (в день рождения Николая!) у Качаловых родилась дочка. Первую из четырех дочерей крестили в местном православном храме и нарекли Марией⁹. На каникулы в Руйену приехали сестры Николая Львовича, тогда еще девочки, Мария и Варвара. Это было их последнее счастливое лето.

⁸ См. там же. Л. 97—98; Д. 56. Л. 8об.

⁹ См. там же. Л. 2.

В налаженную жизнь латвийской ветви рода Качаловых ворвалась... репатриация немцев. «Для меня детство кончилось осенью 1939 года с отъездом в Германию балтийских немцев. Когда немцев репатриировали, Межапарк опустел. Все наши лучшие друзья детства, с которыми мы играли и благодаря которым выучили немецкий язык, уехали. Это была трагедия. По приказу Гитлера они вынуждены были все бросить. Мы были детьми, в политику не лезли, но чувствовалось, что местная немецкая молодежь в какой-то своей части была увлечена гитлиризмом. Каждый год в мае местное немецкое спортивное общество устраивало на берегу Киш-озера праздник — folkfest, который мы обожали. Это был абсолютно аполитичный праздник для всего Межапарка. Но в последние годы там зазвучали другие песни. “Denn heute gehört uns Jugend und morgen die ganze Welt” (“Сегодня нам принадлежит молодость (в оригинале — Deutschland), а завтра — весь мир”) — с такими песнями они маршировали по Межапарку. В моей семье, несмотря на наши немецкие корни, вопрос об отъезде в Германию даже не обсуждался», — рассказывает Мария Львовна.

Но и оставаться в обезлюдевшем Межапарке Качаловы не захотели. К тому же Качалов-старший потерял работу главного бухгалтера-ревизора в немецкой фирме (ее хозяева тоже отчалили). Вскоре он нашел работу бухгалтера на Кузнецовской фарфоровой фабрике, но ездить из Межапарка на другой конец города было слишком далеко, и Качаловы решили перебраться поближе к центру. Руйенские немцы тоже поднялись. Городок опустел. Николай и Татьяна лишились всех своих тамошних друзей. К тому же наш герой остался без работы. В анкете, которую Николай Качалов заполнил, поступая на работу в Латвийскую консервато-

рию в 1940 году, он указал, что лишился места в школе из-за «сокращения учебного плана», а частную практику преподавателя фортепиано оставил из-за «недостатка работы»¹⁰. Прожив в Руйене год, Качаловы вернулись в Ригу уже втроем. Поселились в опустевшем Межапарке — после отъезда немцев по всей Риге можно было выбирать любую квартиру, любого метража, за любую цену.

Николай устроился сразу в нескольких местах: преподавателем пения в адвентистскую школу, органистом в Рижскую англиканскую церковь и даже конторщиком в органную мастерскую А. Крауса. Но и этой жизни очень скоро пришел конец. В 1940 году власти Советской Латвии закрыли и школу, и церковь¹¹, и Николай Качалов снова остался без работы. Стоит ли удивляться тому, что при прохождении медосмотра при поступлении на работу в Латвийскую консерваторию (при Советах она стала называться Латвийской государственной консерваторией) врачи—специалисты Амбулатории госслужащих констатировали у Николая Качалова невроз¹²? Оставшись без средств, Николай Львович принял участие в конкурсе на замещение вакансий в консерватории и в итоге приказом народного комиссара образования Я. Лациса за № 188 (параграф № 10) от 8 октября 1940 года был назначен «с 1 октября в Консерваторию Латвийской ССР исполняющим обязанности внештатного доцента по обязательным предметам»¹³.

Как водилось во всех советских учреждениях, на Николая Качалова завели подробную «персональную анкету учета кадров». В ней он скромно умолчал о своем дворянском происхождении, указав в графе «социальное

¹⁰ См. там же. Л. 9.

¹¹ См. там же.

¹² См. там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 6.

происхождение» — и за себя, и за родителей — «трудовая интеллигенция» (отец — бухгалтер). Благо Николай не интересовался политической деятельностью, что, впрочем, при Ульманисе в Латвии было практически невозможно. В то же время он не чурался общественной жизни, носившей в его случае чисто профессиональный характер. Как музыкальный работник Николай участвовал в деятельности Рижского общества камерной музыки, Русского музыкального общества, Рижского Баховского общества, Общества студентов-христиан Латвийского университета, что и указал в анкете. С 1940 года Николай Качалов вступил в созданный Советами Профсоюз работников искусств¹⁴.

Советская власть наделала шуму, но продержалась недолго. Грянула война, и вместе с семьей Николай Качалов остался в оккупированной немцами Латвии. Как музыканта его не трогали, в частности он избежал мобилизации в немецкую армию. Сохранились афиши и программки, свидетельствующие о его активной концертной деятельности в годы войны. Он выступал в рижском Домском соборе, в старой Гертрудинской церкви, в Большом зале университета. Исполнял органное произведение немецких композиторов, чаще всего — Иоганна Себастьяна Баха, но также и латышских композиторов. Выступал с сольными программами и вместе с другими музыкантами. Один из сольных концертов (28 декабря 1941 года в Домском соборе) был посвящен Рождеству. На программке с изображением елочки надпись на немецком и латышском языках: «Weihnachtsmusik An der Orgel: Nikolai Katschaloff» и «Ziemassvētku mūzika Pie ēģelēm: Nikolajs Kačalovs». Концерт был составлен целиком из немецких рождественских хоралов и песнопений.

Войну как-то пережили. Но наступило, как говорится, еще более трудное мирное время. Правда, поначалу ничто не предвещало беды. На волне патриотического подъема Николай Качалов пишет ораторию «Князь Мстислав Удалой». Посылает ее в Москву, в Союз композиторов, и получает очень хороший отзыв. Весной 1948 года в Ригу приходит телеграмма: «Композитор Качалов срочно вызывается в Москву, в Союз композиторов СССР». Окрыленный надеждой, «композитор Качалов» летит в Москву. Там его 25 марта арестовывают.

Существуют разные версии того, как это произошло. По одной из них Качалов явился в Союз композиторов, где оказалось, что вызывал его сотрудник-особист по доносу из Риги. Другая изложена в воспоминаниях дочери музыканта Ирины: «[В Москве] остановился он у двоюродной тетки, которую предупредил телеграммой о приезде. И надо же случиться такому! Тетя Мура повела племянника на собрание людей, интересующихся индийской философией, и в то время, как происходила встреча, дом был окружен... Арестовали всех, в том числе и Николая Львовича, при обыске у которого было найдено несколько книг “Живой этики”»¹⁵.

Как бы там ни было, Качалов оказался на Лубянке, где ему предъявили обвинение в антисоветской деятельности и без суда, решением Особого совещания при МГБ СССР от 28 июля 1948 года, приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Ровно через год после его ареста, 25 марта 1949 года, в ночь большой депортации, сотрудники латвийских органов госбезопасности пришли за его семьей. В товарных вагонах его жену, тещу и четверых дочерей 10-ти, 9-ти, 7-ми и 5-ти лет вывезли на спецпосе-

¹⁴ См. там же. Л. 8.

¹⁵ И. Качалова. Грянуло в марте. — «Жизнь—смерть—жизнь: Из забываемого страшного прошлого». Рига, 1993. С. 43.

ление в Сибирь. Новый, 1950 год они встречали в землянке в поселке Клюквинка Колпашевского района Томской области. Но уже без бабушки, которая не выдержала выпавших на ее долю тягот.

О характере претензий к Качаловым со стороны Советской власти можно судить из ответа на заявление отца Николая Львовича с просьбой взять опеку над внуками. Рискуя головой, Лев Николаевич задействовал весь доступный ему арсенал аргументов — от возраста и музыкальных способностей девочек до их родства с «советским поэтом» Александром Блоком и медали «За доблестный труд», которой был награжден сам. Но безуспешно.

«Осужденный националист Качалов Николай Львович, в 1914 году, как сын помещика, вместе с родителями эмигрировал в Швейцарию, а с 1922 по 1947 год проживал в Латвии, был вне подданства (из патриотических соображений Николай единственный из всей семьи не сменил свой нансеновский паспорт на латвийский, каждый год продлевая своего рода вид на жительство с уплатой пошлины в размере 20 латов. — *А.М.*), работал организмом в лютеранской церкви. Будучи враждебно настроен по отношению к Советской власти, совместно со своей женой, Качаловой Татьяной, вступил в антисоветскую теософскую организацию, где принимал активное участие в нелегальных а/с сборищах. Являясь эмиссаром, выезжал в г.г. Москву, Ленинград для установления связи с участниками теософского течения, доставлял заграничную антисоветскую литературу и по заданию организации проводил антисоветскую работу среди теософов. <...> Мотивы, выдвинутые заявителем — отцом осужденного, что двое из детей — Мария и Зоя очень одаренные и являются внуками (sic!) поэта Блока, не могут быть зачтены особыми заслугами выселенной семьи перед Советским государством...», — рапортовал

1 сентября 1950 года министру старший оперуполномоченный Отдела «А» МГБ Латвийской ССР капитан Розенштейнс¹⁶. Известное дело, в Советском Союзе родство действовало только в сторону усугубления участи.

Для самого Николая Львовича заключения его семьи явились суровым испытанием. «Я намеренно просился на самые тяжелые работы, чтобы хоть как-то забыться, не думать о лишениях, выпавших на долю моих маленьких дочек», — вспоминал он впоследствии. Но бросать в беде своих было не в характере Качаловых. Ольга, сестра Николая, работавшая в школе при железной дороге и имевшая право на бесплатный проезд, в свой собственный отпуск отправилась в Томскую область, разыскала сосланных родственниц и добилась разрешения местных властей на их переселение в районный центр, где они и продержались кое-как до наступления хрущевской «оттепели». Младших девочек, благодаря хлопотам рижской родни, отпустили домой вскоре после смерти Сталина, а Татьяна Александровна и старшая Мария вернулись в Ригу в 1955 году. Николая Качалова освободили раньше — 6 декабря 1954 года, накануне его дня рождения.

«Брат дал нам знать, что приедет такого-то числа, и мы все — папа, мама, три сестры и три его дочки собрались на перроне. Подошел поезд, все вышли, перрон уже опустел, а брата нет. Поезду пора отправляться в депо, а он не выходит. Мы уже начали волноваться. Не знаю, сколько прошло времени, когда он решился выйти из вагона и увидеть родителей, сестер и дочерей после семи лет разлуки. Вид у него был, конечно, ужасный — худой, измученный, в лагерной телогрейке. Не передать», — вспоминает Мария Львовна.

При Николае Качалове был единственный документ — Справка №12 («видом на жительство не слу-

¹⁶ См. ЛПА. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 102 «Р». Л. 214.

жит, при утере не возобновляется»), выданная ему во Внутренней тюрьме Управления КГБ при Совете Министров СССР по Московской области. В ней указывалось, что с 25 марта 1948 года по 6 декабря 1954 года он содержался под стражей, освобожден за прекращением дела и «следует к месту жительства... до ст. Рига». В справке не уточнялось, что «место жительства» давно захвачено чекистами, проживавшими этажом выше. Мебель, концертный рояль, картины, ноты, библиотека, домашняя утварь пропали бесследно.

С вокзала Николая повезли к родителям. «Первое время он только сидел со своими дочерьми. Потом сел за рояль и стал играть рождественские хоралы, которые столько раз исполнял в лютеранских церквях», — делится воспоминаниями его сестра. Конечно, норильские рудники и другие работы в лагере на Медвежке не прошли даром для рук органиста. Чтобы сохранить технику, Николай изобрел специальную гимнастику для пальцев, постоянно занимался ею. Но только спустя семь лет после освобождения он восстановил прежнюю технику. А вот в Союзе композиторов его восстановили быстро — уже в 1955 году, вслед за официальной реабилитацией 22 мая 1954 года. Тогда же, в 1955 году, Качалов устроился органистом в еще действовавший по назначению Домский собор с правом играть и в свободное от богослужений время. Может быть, это был его звездный час, и длился он почти три года. Именно в эти годы орган Домского собора приобрел всесоюзную славу.

В семье музыканта сохранился альбом, страницы которого исписаны восторженными отзывами посетителей собора. Среди них солист Большого театра, студентка из Ленинграда, врач из Харькова, старший лейтенант из Бурят-Монголии, группа отдыхающих на Рижском взморье архитекторов и музыкантов, и группа туристов из Средней Азии и с Урала, студенты-дипло-

манты Грузинского политехнического института, оставившие благодарность на грузинском языке, и интуристы из Парижа и Лиона, исписавшие целую страницу по-французски («Grand merci pour “notre Ave Maria”»). Студенты Московской консерватории оставили маленькую рецензию: «Выступление [Качалова] проникнуто величием, патетикой и отличается подлинной виртуозностью и душевностью, достойных одного из замечательных музыкантов республики».

Вот несколько выразительных записей: «Самое незабываемое из рижских впечатлений — орган. Спасибо человеку-волшебнику»; «Минуты величайшего наслаждения и счастья доставила игра вдохновенного художника-органиста Качалова»; «С наслаждением слушали в исполнении органиста Качалова его собственные произведения»; «Самое неизгладимое впечатление от посещения Риги (а может быть, даже и в жизни!) на нас произвела игра органиста Качалова»; «Ваша игра так же великолепна, как и миф о сотворении Бога».

Встречаются надписи, проникнутые просветительским пафосом: «Неужели нельзя, чтобы такое невыразимое удовольствие испытывали не единицы, а сотни, тысячи. Мы хотим, чтобы Качалов играл не только в Риге, он должен ездить по Союзу, все этого хотят», — написали ленинградцы. А некто И. Полибина проявила не только понимание, но и деловую сметку: «Вероятно, это единственный случай представить себе, чем была органная музыка во времена Баха. Органист Качалов возрождает это великое искусство. Будем просить Московскую филармонию пригласить Качалова для гастролей в Москве. Полные сборы обеспечены».

Однако не только в Москве, но и в Риге нашлись деловые люди. Сам Качалов не уставал напоминать ответственным инстанциям о бедственном состоянии, в котором находился пос-

ле стольких лет эксплуатации орган Домского собора. И органу, и собору требовалась реставрация. Тогдашний директор Латвийской филармонии — Филипп Осипович Швейник, имевший большой авторитет в советском музыкальном мире, добился выделения необходимых для этого средств. В 1958 году собор передали на баланс филармонии, и Николай Качалов лишился места. В штате у Швейника были свои органисты.

«Я с детства полюбил Домский собор и домский орган и сохранил эту любовь на всю жизнь. Про меня говорили: “Качалов и домский орган созданы друг для друга”. Ни на одном другом органе у меня не получалось играть так хорошо, с таким успехом. Играл безошибочно, хотя, казалось бы, это самый трудный, самый большой и сложный орган», — рассказывал Николай Львович в своем последнем радиоинтервью накануне 85-летия — за месяц до смерти. А умер Качалов 7 января 1997 года — в первый день православного Рождества.

Последние пять лет жизни Николай Львович провел в пансионате для слепых. Но даже

это не сломило его. Он играл вслепую на пианино (здесь он чувствовал себя в своей стихии), развлекая себя, медсестер и товарищей по несчастью. Размышлял. Его утро начиналось со звучащего по радио «Dievs, svētī Latviju!» — молитвы, ставшей латвийским гимном. «Николай был человеком сложным, но светлым. Он не поддавался панике и унынию. Искал смысла в каждом прожитом дне и, благодаря превосходной памяти, мысленно пересматривал всю свою жизнь. Раньше его очень многое отвлекало: всевозможные разновидности теософической мысли, что, наверное, было связано с войной и концом России, увлечение буддизмом, индуизмом... Он прошел через все. Но, пересматривая и делая выводы из собственных поступков, продумывая свое пребывание в Норильске, свои встречи там, он утвердился в православии», — вспоминает его младшая сестра Варвара Львовна.

Авторитетные священники утверждают, что люди, умирающие в день Пасхи и Рождества, проходят путь мытарств без преград. А отпевали Николая Львовича Качалова в рижском Христорождественском соборе, при громадном стечении народа. ◆